

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, №4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2024**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 4

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дьякова О. В.</i> Классификация и хронология северо-западной группы мохэских памятников бассейна Раздольной в Южном Приморье.....	7
<i>Кожевникова Д. В.</i> Проблема функционального назначения костяных «игольников» на примере трубчатых костей лебеда из погребения № 12 Серовского могильника (неолит, Прибайкалье, раскопки А. П. Окладникова)	24
<i>Колобова К. А., Харевич А. В. Бочарова Е. Н., Павленок Г. Д., Жданов Р. К., Кривошапкин А. И., Мухтаров Г. А., Худжагелдиев Т. У.</i> Кареноидная технология в верхнем палеолите запада Центральной Азии: конвергентное развитие или трансфер культурных традиций.....	41
<i>Григорьев С. А.</i> Природные катастрофы как маркеры хронологии китайских династий и возможности для связи с хронологией Евразии в бронзовом веке	58
<i>Цыбиктаров А. В.</i> Плиточные могилы и херексуры могильника Старая Капчеранка I в свете относительной и абсолютной хронологии памятников культуры плиточных могил и культуры херексуров	79

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Курбанова З. И.</i> Текстильные традиции каракалпаков: курақ и жыртгыс в семейных обрядах.....	107
<i>Зинченко А. В.</i> Формирование чайного комплекса «Семь ритуалов» и система наставничества в японской чайной школе Омотэ-сэнкэ	125
<i>Ожередов Ю. И.</i> Палеоселькупы шиешгула и селькупы шёшкуп. Аспекты погребальных церемоний по данным археологии и этнографии	141
<i>Щеглова Т. К.</i> Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг.	164

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Забяко А. П., Ван Цзюньчжэн.</i> Буддизм в государстве Цзинь: границы распространения буддизма на территориях чжурчжэней (в бассейне Амура).....	188
<i>Дашковский П. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.</i> Положение буддийских общин в Туве в системе государственно-конфессиональных отношений СССР в середине 1950-х гг.	211
<i>Долин В. А.</i> Критика экономических привилегий Грузинской православной церкви в дискурсе либерализации государственно-конфессиональных отношений в Грузии	234

ДЛЯ АВТОРОВ	251
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, № 4

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Dyakova O.V.* Classification and chronology of the northwestern group of Mohei monuments of the Razdolnaya basin in Southern Primorye 7
- Kozhevnikova D.V.* The problem of functional determination of bone “needle cases” — case of swan long bones from the grave no. 12 in the Serovsky burial (Neolithic, Cis-baikal, excavations by A. P. Okladnikov)..... 24
- Kolobova K.A., Kharevich A.V., Bocharova E.N., Pavlenok G.D., Zhdanov R.K., Krivoshapkin A.I., Muhtorov G.A., Khudzhageldiev T.U.* Carinated technology in the upper palaeolithic of west Central Asia: convergent evolution or cultural transfer 41
- Grigoriev S.A.* Natural disasters as benchmarks of the chinese dynasties chronology and opportunities for connection with the chronology of Eurasia in the bronze age 58
- Tsibiktarov A.D.* Slab graves and khereksures of the staraya kapcheranka i burial ground in light of the relative and absolute chronology of the monuments of the slab grave culture and khereksur culture..... 79

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Kurbanova Z.I.* Textile traditions of Karakalpaks: quraq and zhyrtys in family rites..... 107
- Zinchenko A.V.* The formation of the “Seven Rituals” tea complex and the mentorship system in the Japanese tea school Omotesenke 125
- Ozheredov Yu.I.* Paleoselkupy “shieshgula” and selkup shoshkup. Aspects of funeral ceremonies according to archeology and ethnography..... 141
- Shcheglova T.K.* Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–70-ths 164

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS FOR AUTHORS

- Zabiyako A.P., Wang Junzheng.* Buddhism in the Jin Empire: the boundaries of the spread of Buddhism in the jurchen territories (in the Amur River basin) 188
- Dashkovskiy P.K., Bicheldey U.P., Mongush A.V.* The position of Buddhist communities in Tuva in the system of state-confessional relations of the USSR in the mid-1950s. 211
- Dolin V.A.* Criticism of the economic privileges of the Georgian orthodox church in the discourse of liberalization of state-confessional relations in Georgia..... 234
- FOR AUTHORS**..... 251

УДК 39 (470+57) +112,2

DOI 10.14258/10.14258/nneur(2024)4–09

Т. К. Щеглова*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)*

КОММУНИКАЦИЯ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НЕМЦЕВ И ВЛАСТИ В ПОИСКАХ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 1950–1970-е гг.

В исследовании анализируются гражданская и этническая виды идентичности депортированных немцев юга Западной Сибири под влиянием особенностей процессов реабилитации. В центре исследования находится диалог «советских граждан немецкой национальности» с государством в 1950–1970-е гг. в контексте традиций коммуникации общества и власти в советское время. На этничность и гражданственность немцев наряду с идеологией советского государства влияло культурное многообразие немцев. Делается вывод, что оно являлось результатом их участия в освоенческих процессах обширных территорий Российской империи на протяжении нескольких столетий. На основе полевых материалов характеризуется этнодемографическое развитие, выявляются этнотерриториальные группы немцев, их самоидентичность и участие в общественном движении. Делается вывод о влиянии дисперсного размещения депортированных немцев в сибирских сельских обществах на нивелировку их этнокультурного многообразия. На основе архивных материалов в статье рассматриваются несколько поколений и форм общественного движения депортированных немцев («письма во власть», делегации «в Кремль», деловая переписка «сверху вниз» и «снизу вверху»), что позволило выявить тенденции в развитии «советскости» немцев как граждан СССР и «немецкости» как «советских граждан немецкой национальности». Установлены «коммуникаторы» в диалоге с властью — «поволжские немцы», требования полной реабилитации которых сводились к восстановлению Республики Немцев Поволжья как условия сохранения этничности. Доказано влияние общественного движения на рост национального сознания и консолидацию этнотерриториальных групп вокруг немецкого вопроса, что способствовало формированию единой «немецкой инакости» и стиранию этнокультурных различий. Анализ диалога позволил выявить традиции коммуникации власти и общества, советской практики в области национальной политики, влияние на них смены курса партии и государства, общественного движения, международной ситуации.

Ключевые слова: немцы, этнотерриториальные группы, депортация, реабилитация, «немецкий вопрос», идентичность, этничность, «советскость и немецкость», коммуникация, «власть и общество», общественное движение, формы и лидеры общественного движения, юг Западной Сибири

Для цитирования

Щеглова Т. К. Коммуникация депортированных немцев и власти в поисках гражданского согласия и этнической идентичности в 1950–1970-е гг. // *Народы и религии Евразии*. 2024. Т. 29, № 4. С. 164–187. DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–09.

T. K. Shcheglova*Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)*

COMMUNICATION OF GERMAN DEPORTEES AND AUTHORITIES IN PURSUIT OF CIVIL CONSENT AND ETHNIC IDENTITY IN THE YEARS 1950–1970-THS

The research analyzes the civil and ethnic identity in German deportees of the South of Western Siberia under the influence of the processes of justification. The research is focused on the dialogue of “Soviet citizens of German nationality” with the federal authorities in the years 1950–1970 in the context of traditions of communication of society and authorities in the Soviet time. The ethnicity and civic consciousness of German people was under the influence of Soviet state ideology as well as the cultural diversity of the Germans, and the conclusion is made that it was the result of the participation in the processes of developing vast territories of the Russian empire during several centuries. On the basis of field materials, the author characterizes ethnic demographic development and reveals ethnic territorial groups of German people, their self-identity and participation in civil society movement. The conclusion is drawn about the influence of disperse disposition of deported German people in Siberian communities to level up their ethnic cultural diversity. On the basis of archive materials the article considers several generations and forms civil society movement of deported German people (“letters to authorities”, delegations “to the Kremlin”, business correspondence “top-down” and “bottom-up”) that allowed to reveal the tendencies in the development of “Sovietness” of German people as citizens of the USSR and “Germanness”, as “Soviet citizens of German nationality”. The author specifies “communicators” in the dialogue with authorities — “Volga Germans”, whose demands for complete justification meant reestablishing the Republic of Volga Germans as the condition of preserving ethnicity. The influence of the civil society movement on the growth of national consciousness and consolidation of ethnic territorial groups on the German issue was proved, which contributed to the formation of the unified “German otherness” and deletion of ethnic cultural discrepancies. The analysis of the dialogue allowed us to reveal the tendencies of communication between the society and authorities, Soviet practices in the sphere of national policy, the influence of the change of the course of the Party and the state on them, as well as civil society movement, world affairs.

Keywords: the Germans, ethnic territorial groups, deportation, justification, “German issue”, identity, ethnicity, “Sovietness and Germanness”, communication, “society and

authorities”, civil society movement, forms and leaders of civil society movement, the South of Western Siberia

For citation:

Shcheglova T. K. Communication of german deportees and authorities in pursuit of civil consent and ethnic identity in the years 1950–1970-ths. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. T. 29, No. 4. P. 164–187 (in Russian). DOI 10.14258/10.14258/nreur(2024)4–09.

Щеглова Татьяна Кирилловна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** tk_altai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

Shcheglova Tatiana Kirillovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of National History of the Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** tk_altai@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2738-414X>

Введение

Немецкий вопрос в 1950–1980-е гг. «Не всё исправимо, что допущено в истории»

Среди депортированных в Сибирь народов наиболее сложным и не завершенным в советское время являлся вопрос о реабилитации немцев. Реабилитация заняла более 50 лет, проходила с неоднократным изданием актов, что Н. Ф. Бугай назвал масштабной работой [Бугай, 2006: 170]. В советское время особенности реабилитации немцев определяли три Указа Президиума Верховного Совета СССР¹. Первый указ через 14 лет после депортации (13 декабря 1955 г.) о послаблении немецкого вопроса², снимал ограничения в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении, но запрещал возвращаться туда, откуда их депортировали, и не повлек за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении. Такое решение было принято на фоне восстановления национальных автономий других депортированных народов — калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев. Второй указ (29 августа 1964 г.), появившийся через 23 года после депортации, снял с немцев Поволжья «огульные обвинения» в пособничестве агрессору, но не предусматривал возвращения в довоенные регионы проживания и восстановление АССР немцев Поволжья. Через 31 год после депортации третий Указ от 3 ноября 1972 г. снял запрет на возвращение в родные места, но без восстановления Поволжской республики немцев.

В ответ на запросы немецкой общественности союзные органы власти аргументировали свое решение тем, что территория Поволжья уже заселена другими переселенцами. Государство ориентировало немцев на развитие социально-культурной сре-

¹ Подробный аналитический обзор этих документов сделан в работе [Шадт, 2003: 13–26]

² Ранее постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. были сняты ограничения по спецпоселению с немцев — местных жителей Сибири.

ды в местах переселений для сохранения немецкой этничности. Так сформировался немецкий вопрос, который был поставлен общественным движением советских немцев и состоял в предоставлении полных гражданских прав и создание условий развития немцев как социалистической нации. Затянувшаяся реабилитация вызвала общественное движение за восстановление республики, которое сыграло большую роль в развитии этничности и самоидентичности советских немцев. Немецкий вопрос был частично закрыт в начале 1990-х гг. созданием двух немецких районов в Сибири: Немецкого национального района Алтайского края (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 июля 1991 г.) и Азовского немецкого национального района (17 февраля 1992 г.). За прошедшее время выросло новое поколение немцев Алтая, для которого прежняя жизнь до депортации была связана лишь с воспоминаниями далекого детства или с рассказами представителей старшего поколения.

Содержание немецкого вопроса в период наиболее активного его обсуждения в 1950–1970-е гг. содержится в стенограмме «Сокращенной записи беседы, состоявшейся 7 июля 1965 г. на приеме Второй делегации советских немцев с товарищем Микояном А. И.» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333]. Эти протоколы были позже изданы (см.: [История российских немцев, 1994: 21–41]).

«Вельц. Мы жили на нашей территории двести лет. У нас были все признаки нации, но мы должны были оставить эту территорию. Республика наша была ликвидирована. Из 48 лет советской власти немцы 23 года живут в неравноправном положении. У нас было 11 депутатов в Совете национальностей, 3 в Совете Союза. У нас было 5 вузов, 400 средних и начальных школ, национальный театр, издательство, 5 республиканских и более 20 районных газет и журналов...

Микоян. Советские немцы вели себя хорошо и во время войны, после войны и ведут себя хорошо сейчас... Нельзя считать, что немцы не могут жить без республики. Ведь 2/3 немцев жили не в республике, и жили хорошо... Полная реабилитация немцев есть. Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Мы хорошо понимаем, что это было бы лучшим решением вашего вопроса. Но это невозможно, т. к. нужно взять полмиллиона немцев и переселить их... Это вызовет огромные экономические затраты, но в отношении культурных потребностей мы пойдем навстречу. Не все исправимо, что допущено в истории.

Прокофьев (Министерство высшего образования). В Барнауле при пединституте имеется немецкое отделение. Решено сделать его головным (факультетом) и поручить ему разработать программы и учебники для всех остальных немецких отделений в других городах. Славгородское училище будет сделано опорным, усилено кадрами и материальной базой... С 1 сентября 1966 г. при наличии доброй воли родителей будут созданы начальные классы и школы по обучению детей немецкой национальности на родном языке» [История российских немцев, 1994: 25, 36–37].

На современном этапе рассмотрение немецкого вопроса имеет не только гражданское, но и научное значение. Государственный «эксперимент» по принудительному переселению немцев дает возможность рассмотреть, что и как происходило с этнической общностью и его культурой в отличающихся от мест проживания условиях в контексте репрессивной политики и формирования травматической памяти. На этническое раз-

вите немцев оказало влияние одновременное размещение разных этнотерриториальных немцев из разных регионов европейской части СССР в рамках одного сельского сообщества с преобладанием русского населения; их консолидация с целью преодоления неблагоприятных факторов военного и послевоенного времени, особый статус, обусловленный принадлежностью к народу, с которым шла война.

В совокупности эти факторы, с одной стороны, способствовали затуханию этничности, с другой стороны, вели к консолидации и закреплению идентичности в социуме «советских граждан немецкой национальности». Это обусловило основные идеи и требования общественного движения немцев. Во-первых, восстановление и укрепление их гражданских прав — полноценных «граждан Советского Союза», что означало быть «полноправным строителем коммунизма»; во-вторых, сохранение и развитие немецкой этничности как народа (этноса). Реализацию общественных интересов взяла на себя та часть интеллигенция, которая попыталась под влиянием послесталинской оттепели завершить процесс реабилитации воссозданием Поволжской республики. В этом движении активистами выступили поволжские немцы, которые, по словам А. Германа, «за 177 лет проживания на Волге сформировались в оригинальную компактную этническую группу» [Герман, 2022: 14–15].

Историки касались этих вопросов [Волохов, 2009: 503–513], но антропологические аспекты — этничность и идентичность немцев — мало подвергались исследованиям. Требуются усилия этнологов по выявлению факторов сохранения, отказа или трансформации этнической идентичности и этнической культуры; соотношения гражданского и этнического самоопределения. На решение немецкого вопроса влияли формы и характер взаимоотношений немецкой общественности с органами государственной партийной власти на всех ее уровнях. Отсюда *целью* проведенного исследования является анализ развития этнической и гражданской идентичности немцев в контексте государственной политики и диалога «советских граждан немецкой национальности» с государством в 1950–1970-е гг. Основой проведенного анализа стали материалы полевых исследований, опубликованные и неопубликованные документы, отражавшие коммуникацию власти и общества, выявленные в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Особо важны документы личного происхождения — письма во власть, переписка между лидерами общественного движения, протоколы и стенограммы встреч в Кремле советских немцев — «ходовков» с высшей государственно-партийной властью. Впервые они анализируются с позиции антропологии. Антропологическое содержание этих источников извлекается с применением традиционных и новационных концепций и подходов — теории этноса Ю.А. Бромлея, теории идентичности В.А. Тишкова, метода крупного плана в антропологии А.В. Головнева.

Этнодемографическое развитие и этнокультурный портрет «советских граждан немецкой национальности»

На юге Западной Сибири немецкое население стало формироваться с XVIII в. — начала освоения этой территории. За триста лет сформировалось три группы немцев. Это сельские немцы — участники массовых крестьянских переселений рубежа XIX–XX вв., компактно расселившиеся на степном западе. Это городские немцы —

деятели горнозаводского производства, образования, здравоохранения, науки и др. Это депортированные в 1940-е гг. немцы, живущие повсеместно на всей территории региона.

Первые немцы появились в период массового освоения горнорудных металлов и развития горнозаводского производства. Достаточно сослаться на тот факт, что из 23 начальников Кольвано-Воскресенских заводов и одновременно губернаторов Томской губернии немцы занимали этот пост 10 раз [Матис, 2008: 10]. Численность немцев в Алтайском округе в конце XIX в. составляла 499 чел. [Первая всеобщая перепись, 1905]. Первые немецкие земледельческие поселения появились в 1890-х гг. Их жители относятся к одной из групп российских крестьян, переселившихся из Европейской России на плодородные земли. В Славгородском уезде в 1907 г. в период столыпинских переселений было основано 14 немецких поселений, в 1908 г. — 16, в 1909 г. — 16. К 1914 г. немецкое население в Славгородском уезде составляло 17 тыс. чел. [Бруль, 1995: 21]. А по данным переписи 1920 г., в губернии было 5278 немецких домохозяйств. К 1926 г. немецкое население по численности вышло на 4-е место (34156 чел.) в губернии. Основная масса немецких переселенцев размещалась в районах Славгородского (31743 чел.) и Рубцовского (1929 чел.) округов [Щеглова, 2015: 99].

В результате многофакторных процессов переселений на юге Западной Сибири сформировалось поликультурное и поликонфессиональное немецкое население. В начале XX в. в Кулундинской степи немцы составляли 53% всего населения, русские — 8,7%, украинцы — 36,4%. Среди немцев 29% составляли менониты, а остальную часть католики и лютеране: «Немецкие колонисты ревниво следили за сохранением своих обычаев и традиций. В первую очередь это проявлялось в том, что каждая этническая группа говорила на своем диалекте, придерживалась своих религиозных обычаев. Отношения между переселенцами разных деревень практически отсутствовали, а порой были враждебны. Браки представителей различных конфессий не приветствовались. Негласный запрет существовал и на межнациональные браки» [Матис, 2008: 11]. Отсюда и вывод: «схожесть немцев, переселившихся на Алтай, была весьма условной» [Матис, 2008: 11]. В результате благодаря участию немцев в освоительских процессах Сибири на ее территориях сформировались немецкие ареалы путем консолидации переселенцев по этнотерриториальным группам, имевшим одинаковые места выхода и отличавшихся конфессиональной, бытовой культурой, речью, историческим прошлым.

Многоцветие в этнокультурную мозаику немцев Алтая добавили депортации с территорий Европейской России, где в разное время и в разных природно-климатических и этнокультурных средах формировались локальные или территориальные варианты немецкой культуры. Как известно, российские немцы не являлись монолитной группой, так как «были выходцами из различных земель Германии, Австрии, Голландии. В их традициях, обычаях, быте существовали значительные отличия...» [Матис, 2008: 11]. Немцы появились в России в разное время, с разных территорий раздробленной Германии, с разными целями (от потомков рыцарских орденов в Прибалтике и саксонских горных инженеров до земледельцев Баварии, Бадена, Гессена, Пфальца и Рейнской области) и расселились на удаленных территориях Российской империи, накапливая разницу в языках и культуре. Это привело к формированию этнотерриториальных групп.

Именно «территория проживания (или территория выхода предков) лежит в основе самоидентификации немцев России» [Смирнова, Киссер, 2017: 49].

На юг Западной Сибири наряду с депортацией поволжских немцев принудительно-му переселению подверглись немцы из Москвы, Московской и Ростовской областей (сентябрь 1941 г.); из Тульской области, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, восточных областей Украины (сентябрь–октябрь 1941 г.); из Воронежской и Сталинской (Донецкой) областей, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР, из Закавказья (октябрь 1941 г.) и других регионов вплоть до мая 1942 г. В конце войны и в первые послевоенные годы немцы попали в Сибирь с ранее оккупированных Германией территорий в ходе послевоенной «за-чистки» территорий Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Белоруссии. Усиление этнокультурной мозаики немецкого населения сопровождалось увеличением численности немцев.

Накануне Великой Отечественной войны, по данным П. М. Поляна, в Алтайском крае проживало 29 тыс. немцев [Полян, 2001: 113], по переписи 1939 г. на Алтае проживало 33 203 чел. немцев [Всесоюзная перепись населения]. В результате депортации численность немцев на юге Западной Сибири резко возросла. В Алтайский край первые депортированные немцы Поволжья (99,4 тыс. чел.) прибыли с 11 по 30 сентября 1941 г. с размещением в 57 сельских районах и Ойротской АО (в Новосибирскую обл. — 124,7 тыс., в Омскую обл. — 83,5 тыс. чел., которых расселили в 60 районах) [Красильников, Сарнова]. По-видимому, авторы исходили из принятого на совместном заседании бюро Алтайского крайкома ВКП (б) и Алтайского крайисполкома плана приема и размещения 95 тыс. эвакуированных по 58 районам края. По другим данным, в Алтайский край были направлены 81123 немца разного возраста, доехали 80 655 чел. (потери — 468 чел.), которых расселили по 47 районам края. Эшелоны с привозимыми немцами принимали на 14 станциях. Общая численность депортированных в Алтайский край составила, по разным данным, от 100 303 [Ремпель, 1996: 69–96] до 115 000 чел. [Немцы в Сибири, 2007].

Немцы были расселены почти по всем районам Алтайского края и отражали всю этнокультурную палитру российских немцев — львовские, поволжские, ростовские, прибалтийские, донецкие и др.; менониты, лютеране и католики; с саксонскими, тюрингскими, австрийскими, швабскими, саксонскими, прусскими корнями. На Алтае из 8 десятков районов практически не было ни одного, где в годы войны не появились бы немцы. Это отразила перепись 1959 г. В 1959 г. районов Алтайского края с численностью немцев свыше 5 тыс. человек было пять (Хабарский, Славгородский, Табунский, Благовещенский, Михайловский). В 2002 г. остался один район (восстановленный Немецкий национальный район со столицей в Гальштадте). В 1959 г. было 27 районов Алтайского края с численностью немцев от одной до трех тысяч человек, в 2002 г. осталось 19. Преобладают районы с численностью немцев от 100 до 1000 чел. Если в 1959 г. их было 18, то в 2002 г. — 38 районов [Щеглова, 2015].

На современном этапе немцы прочно заняли второе место по численности: по переписи 2002 г. титульный русский этнос составляли 2 398 117 чел., затем немцы — 79 502 чел., украинцы — 52 700 чел. За период между переписями 1989 г. и 2002 г. численность

немцев уменьшилась на 1,5%. Особенно резкий спад произошел именно в 1990-е гг.: в 1979 г. немцев насчитывалось 124745 чел., в 1989 г. — 127731 чел., в 2002 г. — 79502 чел., в 2010 г. — 50701 чел. В 2020 г. — из 2163693 человек населения Алтайского края записали себя российскими немцами, русскими немцами или швабами³ — 25361 человек. За последние 10 лет численность упала почти в два раза.

Полевые исследования показали, что на территории Алтайского края среди депортированных немцев преобладали три этнотерриториальные группы: ростовские, донецкие (украинские) и поволжские немцы — формирование первых проходило на территории Войска Донского в условиях влияния казачье-крестьянской культуры, вторых — в Донцке, с влиянием украинской культуры, в полиэтническом Поволжье. Дальше шли одесские, воронежские и другие немцы. Их дисперсное расселение создало условия для стирания этнокультурной разницы. Ускорил процесс нивелирования множественной инакости немцев социальный статус спецпереселенцев. Лишение гражданских прав уравнивало всех немцев и консолидировало вокруг стремления к их восстановлению. Этнокультурный портрет советских немцев Алтая во второй половине XX столетия претерпевал значительные изменения, сохраняя этнотерриториальную идентичность только в семейной социальной памяти.

Общественное движение «советских граждан немецкой национальности»: память, этничность и гражданственность

Наибольшей остроты немецкий вопрос достиг на рубеже 1950–1960-х гг. и вызвал разные формы общественного движения советских немцев. Оно не являлось чем-то особенным. В этнических обществах депортированного населения стремление вернуться к довоенному статусу проявлялось в побегах из мест высылки. Их практиковали выселенные из Крыма татары, греки и др. В докладной записке от 20 января 1949 г. министра внутренних дел значится, что «на протяжении семи лет в результате оперативно-разыскных мероприятий задержано 1529 выселенцев, самовольно возвратившихся в районы их прежнего жительства» [Бугай, 2002: 187]. Другой формой были письма «наверх». Коллективное письмо спецпоселенцев-калмыков И. В. Сталину с просьбой восстановления калмыков в гражданских правах начиналось со слов «Вождю и учителю народов СССР». И далее, сокрушаясь о «той пропасти, в которую они попали по вине войны и кучки изменников из своей среды», они пишут, что «должны быть возвращены на родные земли, национально объединены, политически реабилитированы и экономически возрождены... Нельзя забывать, что нас, калмыков мало... калмыки написали вам тысяча писем...» [Депортированные калмыки, 2018: 131, 134–136]. Такие же письма писали немцы. Известно письмо (1963 г.) в стихах Г. Г. Вормсбехера (1938 г. р., члена партии с 1961 г., педагога из Алма-Аты, позже члена Союза журналистов СССР с 1969 г., члена Союза писателей СССР с 1988 г.) первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с призывом восстановить справедливость по отношению к репрессированным немцам.

³ Следы раздробленности Германии сохранились в исторической памяти, отражающейся в названии этнотерриториальных групп: швабы — Швабия, саксонцы — Саксония, баварцы — Бавария и др.

Самой массовой формой была организация в Москву делегаций с целью «ходачества» в высшие органы власти. Перед этим собирали по всей стране подписи в поддержку выдвинутых в письме требований. В письмах, которые «ходоки» представляли как волеизъявление всех советских граждан немецкой национальности, они опираются на историческую память, которая реабилитирует немцев и осуждает государственную политику принудительных переселений «Кто знает сегодня в стране, что немцы России имеют многовековую историю? В Казахстане казахи считают их потомками военнопленных. На Волге с удивлением спрашивают, как они появились после войны из Германии. Ведь никто не знает, что они 223 года тому назад освоили целинные земли Нижней Волги, в прошлом веке освоили целинные земли Причерноморья и создали самую богатую житницу хлеба в Европе. Немцы создали на своей новой Родине более двух тысяч деревень и городов...» [История российских немцев, 1994: 43].

Мнения лидеров общественного движения немцев менялись в зависимости от результатов, начавшихся после указа 1964 г. переговоров с государственно-партийной властью СССР. Консолидация немцев проходила в 1960–1970-е гг. вокруг двух проблем, сформулированных общественным движением: 1) борьба за восстановление Поволжской немецкой республики как территории, куда должны были вернуться не только депортированные поволжские немцы, но где должны были объединиться в единое этническое сообщество другие этнотерриториальные группы советских немцев; 2) движение за право эмиграции в Германию.

Общественное движение за автоматизацию немцев стало способом укрепления их гражданственности и этничности. Важно выявить взаимодействие государственно-политических, реабилитационно-этических процессов с этническим развитием немцев, их гражданской позицией, самосознанием и культурой. В этом смысле немецкий вопрос касался такой важной антропологической проблемы, как коммуникация власти и общества. На нее влияла сформировавшаяся в обществе советских немцев антитеза. С одной стороны, травма в социальной памяти немцев о депортациях в 1940-е гг. и незавершенность процессов их реабилитации. С другой стороны, демократизация в отношениях власти и общества в послесталинский период и признание вклада советских/российских немцев в победу и восстановление народного хозяйства. На фоне происходящих изменений нерешенность проблемы этнического и гражданского статуса немцев особенно стали заметны и являлись точкой дискомфорта в коммуникации с государством в 1950–1980-е гг.

На пути к гражданскому согласию и этничности. Делегации немцев в Кремль

С окончанием войны общественный статус немцев осложнялся двусмысленностью их положения на гражданском уровне; а на обывательском уровне слово «немец» надолго приобрело негативную коннотацию. Немцы продолжали жить в местах принудительной ссылки и не имели права вернуться в родные края. Отличие судьбы немцев от других депортированных осознавалось не только ими самими, но и местным населением, которое было свидетелем как приезда, так и отъезда переселенцев. Точкой отсчета затянувшейся на десятилетия реабилитации для немцев стал 1944 г., когда возник процесс восстановления довоенного статуса польских переселенцев. Начало положило создание на освобожденной территории социалистической Польши, что при-

вело к снятию с депортированных поляков ограничений и возвращение их на родину. Их отъезд вызвал надежду. Еще больше ожиданий вызвал период послаблений, переросший с середины 1950-х гг. в реабилитацию депортированных народов. В материалах интервью очевидцев из местного сельского населения так это характеризовалось: «Ну, само многочисленны были вот украинцы, немцы... Спецпереселенцы тогда. ... Ну и потом..., когда вот калмыков вызвали. А потом уже, когда здесь Сталин начал, этих и своих всех, и азербайджанцев, и армян, и чеченцев... в пестят третьем году они все поудрали. Все на родину. Разрешили ведь, все уехали» [Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Музыка (Репецкая) Татьяна Николаевна, 1938 г. р. Топчихинский район, село Победим, Запись 2018 г.].

Сами немцы, оставшиеся жить на Алтае, так говорили: «Работали. Совхоз... калмыки, армяне, молдоване. Вот эти переселенцы ... В 1957 г. их реабилитировали, и они выехали на родину. Но немцы не стали выезжать, а калмыки уехали на свою историческую родину. Калмыки, армяне они уехали отсюда... Вот немцы, они никуда не стали уезжать, они так и обосновались здесь. Привыкли. Потом уже стали, когда перестройка, уезжать отсюда... А мы тут остались. Родители мои ни в какую. Отец — «Я умереть не хочу в Германии. Вот моя Родина. Мы обосновались тут» [Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шиллер Петр Карлович, 1947 г. р. Топчихинский район, поселок Дружба, Запись 2018 г.].

Анализ эгодокументов показывает, что в процессе принудительных переселений разные этнотерриториальные группы немцев из европейской части СССР собирались в границах одного сельского общества. В этом смысле принудительные переселения способствовали встрече и диалогу донецких, одесских, волжских, крымских, украинских, сибирских, кавказских, ростовских и других групп немцев. Немцы, встретившись в депортации, замечали разницу друг с другом в языке, в религиозных обрядах, в культурно-бытовых привычках: «А у немцев тоже всякие языки есть ... Такие вот, как хохлы и русские, так и у немцев есть такие и такие, и всякие. Ну наши предки — они не... с Германии. У нас совсем акцент другой, как вот у поволжьевского [поволжские] были. Мои предки как бы не с Австрии были. Я вот слушала австрийский язык... Они, наверное, оттуда, мои предки. А с поволжьевское у нас не сходится язык. А мы были с Украины. Моя бабушка — она с Одессы... Мы знали украинский... она всегда говорила: «Шо вы нейробы?» ... Она по-хохлацки и по-немецки, а я по-хохлацки не разговаривала, потому что я сюда приехала. Я уже тут по-русски больше... Я-то мало по-хохлацки [понимала]. Дома все ж больше по-немецки. И в школе учились... По-русски было, не по-украински» [Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шнарк Зинаида Гуковна, 1930 г. р. ИЭЭ. Алейский район. Село Большепанюшево. Запись 2021 г.].

Статус спецпереселенцев консолидировал этнотерриториальные группы немцев. Инструментом стирания этнокультурных и этноконфессиональных границ служило общественное движение за полную реабилитацию прав советских граждан немецкой национальности. Оно вело к формированию этнического и гражданского единства немцев с сохранением социальной памяти о своих корнях. Инициатива в постановке вопросов о правах немцев и как граждан, и как этнической общности, как показывает состав «делегаций в Кремль», принадлежала поволжским немцам — самой организованной части «советских граждан немецкой национальности», вокруг которых консолидировались другие этнотерриториальные группы. Они, в отличие от других групп,

имели опыт административно-национального строительства в рамках существования АССР «Немцы Поволжья» (1918–1941 гг.). Он накапливался ими и ранее, в период совместного проживания в поволжских земледельческих колониях в XVIII–XIX вв. За все годы был приобретен опыт организации производственно-повседневной жизни немцев с сохранением языка, традиций, культуры. Став лидерами общественного движения за восстановление республики, они сыграли организующую и консолидирующую роль. Историк А. А. Герман связывал с поволжскими немцами само существование советских немцев как нации. Он пишет, что в результате депортации поволжские немцы «были рассеяны на огромной территории СССР — до 3 млн кв. км. В дальнейшем, с учетом вторичных депортаций на Крайний Север и мобилизации в Трудовую армию, площадь их рассеяния увеличилась более чем в 3 раза, что означало конец существования немцев Поволжья как уникальной этнотерриториальной группы немецкого населения СССР. В местах депортации, «трудовой армии» и спецпоселения произошло смешение территориальных, конфессиональных и социальных групп немецкого населения. Резко выросло число межнациональных браков» [Герман, 2022: 14–15]. В этом смысле депортация способствовала сближению, взаимодействию и этнической консолидации немцев.

Используя концепцию А. В. Головнева, названную «портрет крупным планом в антропологии» [Головнев, 2010], можно через лидера движения, участника «делегаций в Кремль» Ивана Кроневаляда выявить трансформации этничности и идентичности немцев под влиянием депортаций и затянувшейся реабилитации. Этнограф Т. С. Киссер пишет: «По оценке Кроневаляда, в конце 1970-х гг. в основном закончился процесс создания единой национальной общности советских немцев, исчезло их деление на волжских, крымских, украинских, сибирских, кавказских и т.д. В результате сложилась двойная идентичность: «каждый советский немец по национальности считал себя немцем, а по гражданству — советским»» [Киссер, 2016: 97].

Такой подход в современной антропологии оформился в концепцию со множественной идентичностью [Тишков, 2003: 501], которая в первую очередь применима к российским немцам (к коренным народам России — «теория этноса» [Бромлей, 1983]). В России население по гражданской идентичности считает себя россиянином. По этнической идентичности россиянин может быть и русским, и татариним, и чеченцем, и хантом. По региональной идентичности — сибиряком или волжанином. В социальной семейной памяти русский сибиряк в соответствии с происхождением называет себя казаком сибирским или донским, кержаком, талгаем или пензяком — это этнотерриториальная (субъэтнос) память/идентичность. Такая множественность является следствием длительных исторических процессов освоения обширной территории и не вступает в противоречие с основополагающим для российского общества гражданской идентичностью — россиянин, а внутри гражданского общества существование этносов — или народов; для численных этносов — субъэтносов (этнотерриториальных групп), сформировавшихся под влиянием тех или иных условий. Скрепками единства этнокультурной мозаики населения выступало и выступает государство, которое цементирует в единое гражданское общество всё полиэтническое население страны.

Подтверждение множественной идентичности немцев как «советских граждан немецкой национальности» мы находим в документах протоколов поездок делегации советских немцев в Москву в 1965 г., которые выявлены в личном фонде советского деятеля Алтайского края А. Н. Невского [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333]. Протоколы были позже изданы [История российских немцев, 1994: 21–41]. Они позволяют выявить влияние депортации и особенностей процессов реабилитации на гражданское и национальное самосознание, этническую идентичность советских/российских немцев. К рукописному варианту приложено письмо Генриха Фалька к Фуксу о поддержке воссоздания Республики немцев, но не на Волге, а на Алтае. Оно поддерживало позицию власти в отказе восстановления республики на Волге на основании того, что немцы за годы депортации «укоренились» в местах принудительного переселения. При этом термин «укоренение» применялся и к переселившимся в Поволжье на освободившиеся территории. В качестве альтернативы Поволжской республики рассматривались версии ее создания в Российской или Казахстанской Федерациях, в местах наибольшего расселения депортированных немцев.

Генрих Фальк, проживающий в Киргизской ССР (город Кант, ул. Комсомольская, 60), позиционировал себя как «обрусевший немец» и как представитель молодого поколения: «Движение за восстановление Немецкой АССР ширится с каждым днем; все шире в это движение вливается обрусевшая немецкая молодежь. Я являюсь его представителем. От имени определенного круга обрусевшей немецкой молодежи Киргизии я рад Вам сообщить, что мы полностью Вас поддерживаем и гордимся Вами» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 18]. Письмо обращено к «ходакам» в Кремль и написано 17 августа 1966 г. после поездки двух делегаций немцев в Москву в 1965 г. По-видимому, А. Н. Невский как секретарь по идеологии Алтайского крайкома КПСС был задействован в решении немецкого вопроса, являясь коммуникатором между центральной властью и региональным немецким обществом. В связи с тем, что Алтай называли в ряду других территорий, где возможно создание республики для немцев, он пытался собрать аргументы в пользу этой версии. Об этом говорит фраза, что собирались подписи немцев западного Алтая, где на основе анклава немецких поселений в советское время в 1920–30-е гг. существовал немецкий национальный район. Письмо Генриха Фалька было поддержкой алтайского варианта республики: «Как добрый весенний ветер разнеслась среди советских немцев хорошая весть о том, что Вы и тов. Беккер А. И. собирали среди совет. немцев западного Алтая подписи в поддержку справедливого требования сов. немцев восстановить нашу республику, только на этот раз не на Волге, а на Алтае» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 18].

Формой коммуникации между властью и немецким обществом была деятельность делегаций советских немцев, принятых председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном. Поводом к поездкам стал Указ от 29 августа 1964 г., согласно которому признавалось, что обвинения в отношении советских немцев были безосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. Делегаций было две: 2–13 января 1965 г. (13 человек, 660 подписей советских немцев); 3 июня — 23 июля 1965 г. (43 делегата, 4 тыс. подписей). Они являлись показателем роста национального самосознания немцев. Из 43 делегатов — восемь были

из Сибири: шесть из Красноярского края и два делегата из Алтайского [Список Второй делегации]. Алтайский край представляли беспартийные пенсионеры — учительница из Романово П. И. Гиль (1914 г. р.), Ф. Г. Нейвирт (1899 г. р.) из Барнаула. Из города Красноярска — К. П. Винтер (1913 г. р.), бухгалтер, член партии с 1939 г.; Д. И. Гольман (1899–1990), писатель, член партии с 1959 г.; А. Г. Яук (1897 г. р.), пенсионерка, портниха. Из Красноярского края: Г. Ф. Кайзер (1901–1967), пенсионер из Черногорска; Д. Г. Госман (1905 г. р.), шофер, из города Шира; Ф. Г. Шесслер. В основе их требований лежала полная реабилитация, которая представлялась ими как «восстановление довоенного положения в полном его объеме без каких-либо исключений».

Погружение в индивидуальность исторического персонажа и рассмотрение изучаемой ситуации его глазами методом крупного плана показывает, что аргументы членов комиссии сочетали в себе две идентичности членов делегации — это «немецкость» как этничность и советскость как гражданственность. Все они называли себя советскими гражданами, многие — коммунистами. И одновременно исходя из своих гражданско-коммунистических представлений они выступали за признание за ними статуса полноправной этнической общности при реабилитации прав советских немцев как нации. В их высказываниях, поведении, позиции отражаются два стремления — к этнической идентичности как сохранения немецкости и к гражданскому согласию. И та, и другая идентичности базировались на ментальности советских немцев, которые ощущали себя полноправными советскими людьми и одновременно немцами с опорой на марксистско-ленинские положения по национальным вопросам: «когда в 1918 г. Ленин подписал декрет, что земля передаётся крестьянам, он исходил из Программы партии, из того, что мы участвовали и в турецкой, и в первой мировой войне, и в гражданской войне» [История российских немцев, 1994: 23].

По словам одного из наиболее активных делегатов К. К. Борнемана (1896–1980, пенсионер, с. Котово, Волгоградская обл.), «немцы, прибыв в Россию, освоили пустые земли, вложили в них много труда и кровью создали город и села, а во время коллективизации мы приняли землю по государственному акту, и значит у нас есть земля, своя земля, есть территория» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 11]. Его смелая и наступательная позиция во время переговоров опиралась на его партийный стаж с 1918 г. Анализируя его эмпирический опыт, можно уловить «философию жизни» членов делегации, их восприятие эпохи, веру в социалистические идеалы. Самопрезентация немцев во время встречи с А. Микояном позволяет реконструировать их гражданственность как советскость — это коммунистическая убежденность, это активное участие в социалистическом строительстве, это преданность отечеству и одновременно оскорбленное достоинство, горечь и даже бунт против незаслуженного наказания, острое ощущение несправедливости, которыми проникнуты выступления членов делегации. Ф. Г. Шесслер (1902–1980, пенсионер, член партии с 1939 г., Абакан Красноярского края): «Мы не являемся врагами нашей Родины и свою преданность ей доказали своим трудом... Я член партии и многое сделал для своей партии. И не могу больше молчать, и я не преступник» [История российских немцев, 1994: 23]. Они аргументировали, что являются коммунистами (из 43-х человек 18 были членами партии и один комсомольцем) и строителями коммунизма.

При этом, как сказал Г. Ф. Вормсбехер (1899 г. р., член партии с 1924, персональный пенсионер, Вильнюс), остаются неравноправными членами общества, с которых не сняты ограничения: «Я коммунист и 13 товарищей, сидящих здесь, тоже являются членами партии. И мы не можем совместить то, что творится по отношению к советским немцам ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с программой КПСС. Являемся ли мы советским народом? Думаю, мы являемся таковыми» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 13]. Свой долг гражданина, по словам К. Д. Вельца (1911–1991, писатель, Целиноград), они видят в укреплении советского государства и построении социалистической экономики: «Мы просим предоставить нам возможность внести свой весомый вклад в построение коммунизма. 23 года мы находились в неравноправном положении, но мы оставались советскими людьми». Все члены делегации опираются на свой опыт. Учительницу из Романово П. Гиль беспокоит судьба детей: «У меня восемь детей. Наши дети должны знать родной язык. Мы очень просим восстановить нашу республику. Наши дети воспитываются для коммунистического общества. У меня 8 детей, из них 7 комсомольцев и одна пионерка. Я сама была комсомолкой, когда нас выселяли. У меня два сына служат в армии, один из них был недавно в отпуске за хорошую службу. Я горжусь, что мои дети хорошо служат. Но почему они не могут быть равноправными?» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 12].

В совокупности менталитет и идентичность немцев как граждан Советского Союза проявляется в обращении к истокам ленинской национальной политики. В речах «ходоков» отражается приверженность большевистскому пониманию наций и национальной политики, базовым принципом которой являлось равенство народов и создание административно-территориальных единиц по этническому принципу (Республика немцев Поволжья, Калмыцкая республика и т. д.), что соответствовало и лозунгу «право наций на самоопределение», которым заменили систему административно-территориального деления Российской империи по географическому принципу устройства губерний (Саратовская, Пензенская, Тамбовская и др.). Именно поэтому в качестве главных аргументов члены делегации апеллируют к Ленину: «Нам больно убеждать кого-то в правоте Ленина»; «Республика немцев Поволжья была создана одной из первых и была создана Лениным, а теперь получается, что он был не прав». К. Д. Вельц напоминал о поддержке молодой советской Россией Республики немцев Поволжья: «Когда мы организовывали уезды на Волге в 1918 г, мы собирали парткомитет и решили присоединиться к Саратову, я был послан в Москву, попал к Сталину, сказал ему что мы присоединимся к Саратову. Он взял меня за плечо и сказал, что есть ленинская национальная политики, мы не можем ее изменить» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 16].

Советскостью проникнута и позиция «обрусевшего» представителя немецкой молодежи Г. Фалька. Его портрет крупным планом отражает послевоенное поколение советских немцев, оптимистично настроенного на победу социализма и коммунизма. Он писал: «Ленинизм опровергнуть нельзя, как нельзя опровергнуть правду... Поэтому рано или поздно противникам автономизации придется сдаться. Автономия нам нужна как через 10, 100 лет, так и через 1000. Но мы убеждены, что этот вопрос решиться в ближайшее время» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 18]. Цитата отражает сформирова-

ровавшееся в среде немецкой молодежи социалистическое мировоззрение при сохранении этнического самосознания.

Наряду с гражданской самоидентичностью в выступлениях членов делегации проявляется и этническая идентичность, стремление сохранить немецкость, их инакость и их культуру. При стремлении быть частью единого советского народа немцы поднимали вопросы сохранения таких инструментов этнической идентичности, как язык, образование, культура и др. Сами требования вернуть немцам республику базировались на осознанной необходимости выделения административной территории с административных, решающей вопросы жизнедеятельности немцев как этнической общности на основе развития немецкого языка и культуры. Поэтому делегаты видели в неопределенности статуса немецкого народа опасность для немецкой этничности. Их пугала тенденция роста негативного отношения к немцам, агрессии на разных уровнях — от бытового до административного, стереотипы, формирующиеся в контексте ненависти к германскому фашизму. В диалоге с правительственной комиссией примеры негативного отношения как со стороны представителей власти, так и на обывательском уровне в детской среде: «Мой внук не хочет быть немцем, т. к. как его обзывают фашистом», «Моя маленькая дочь пришла и плачет, она спросила почему ее называют фашисткой?» [История российских немцев, 1994: 26]. Их не удовлетворила попытка заместителя заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС Н.А. Скворцова спустить проблему на обывательский уровень: «Ссылки на то, что детей называют фашистами, — и местное руководство плохо относиться к немцам — не основательны. Не только немецких детей называют фашистами, у других тоже есть прозвища. Дети есть дети» [История российских немцев, 1994: 26–27].

По мнению «ходовиков», без полной реабилитации с восстановлением АССР НП невозможно преодолеть эту ситуацию, перевести ее в производственные и повседневные отношения. Сформировавшаяся этническая травма проявляется красной нитью во всех выступлениях при сравнении советских немцев с другими народами. Как сказал К. К. Борнеман, «даже если смотреть с количественной точки зрения, то мы (советские немцы) по численности стоим на 13 месте в Советском Союзе, нас больше, чем эстонцев, таджиков и других народов, имеющих союзные республики, а у нас даже нет автономной республики» [История российских немцев, 1994: 24]. Из их аргументов следовало, что без гласной официальной позиции, без гласного проговаривания затянувшегося немецкого вопроса в еще не остывшем от эмоционального потрясения послевоенном советском обществе немецкий вопрос решить было невозможно. Полную реабилитацию делегаты связывали с восстановлением республики, по примеру реабилитации других народов. Делегаты прямо указывали: «Я хочу, чтобы с нами поступили, как с калмыками», «Почему для калмыков и других вопрос решили, а для нас нет?» [ГААК. Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333. Л. 13]. Более того, по мнению Борнемана, получается, что немцев наказали за успешную адаптацию в местах принудительных переселений. Они быстрее, чем многие другие народы, вошли в общественную и производственную жизнь принимающего общества. То, что было названо «укоренение», т. е. прижились на новом месте и «пустили корни». Как показывают полевые исследования, немцы как близкий к местному населению земледельческий народ действительно сумели

быстро адаптироваться (укорениться), в отличие калмыков, которые являлись степными кочевыми скотоводами, поэтому не сумели «укорениться». «Получается, что калмыки, которые не смогли «укорениться», премированы за это автономией, а немцы не могут вернуться на свою Родину, потому что они «укоренились» (К. К. Борнеман). А их немецкость, как этническое самоопределение, как у других народов СССР: «Говорят, что немцев нельзя вернуть на Волгу, потому что их бывшая территория заселена другими народами, выселить которых теперь невозможно. Этот довод никого не убеждает. Ведь и в других районах жили люди, а чеченцев, калмыков и др. все-таки вернули на родину. Значит, это только немцев нельзя вернуть, значит это неприкрытый шовинизм... Говорят, что правительство СССР придерживается того взгляда не создавать автономных республик, если за границей имеются государства с тем же населением. Чепуха. У нас есть автономия евреев, карело-финнов, в то время как существуют суверенные государства Израиль и Финляндия. Значит, данное положение опять-таки относится только к немецкому населению, значит, опять проявление недоброжелательного отношения к нему» [История российских немцев, 1994].

Подтверждением негативных последствий депортации для немецкой этничности, на которые указывали делегаты, стали процессы ассимиляции немцев, что проявлялось в потере языка, который, по словам этнографов, является обязательным условием существования этнической картины мира и этнической культуры: «происходит полная ассимиляция, дети не могут учить свой язык «родной», а старые люди, не знающие русского языка, не могут говорить с ними» (К. К. Борнеман). Немцы говорили об отсутствии механизмов сохранения родного языка: «Школы с расширенной программой не могут решить вопрос о сохранении языка, для их существования практически нет условий» (Казейр). Показательным примером служил автор письма — Г. Фальк, позиционировавший себя представителем обрусевшей части послевоенной немецкой молодежи.

Коммуникация власти и общественного движения по немецкому вопросу. Письма во власть

Одним из результатов общественного движения в поддержку сохранения немецкой этничности являлся возникший диалог власти и общества советских немцев. Он отражал традиции коммуникации власти и общества в советское время — письма во власть. Снизу вверх шли письма от лидеров региональных сообществ часто напрямую генеральному секретарю ЦК КПСС, с предположением, что наверху не знают о положении дел внизу: «Уважаемый Никита Сергеевич! Я обращаюсь к Вам по вопросу о правовом положении немецкого населения СССР. Обращаясь к Вам, я вполне сознаю, что отрываю Вас от дел более важных, однако вопрос, который я поднимаю перед Вами, не менее важный, но никто из товарищей в ЦК до сих пор решением этого вопроса не занимался и не желает серьезно заниматься им. Целый ряд фактов, имеющих место в работе с немецким населением, наводит меня на мысль, что Вас неверно информируют по этому вопросу» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 16]. Автор письма от 20 июля 1960 г. — Г. Г. Едич [Едиг Гуго Гугович] (Томск, ул. Дзержинского, 49–3) — из поволжских немцев.

Диалог «сверху вниз» представлен решениями региональных властей. Союзная вертикаль власти спускала поступавшие «письма трудящихся» на региональную вертикаль власти для рассмотрения и отчета «наверх». В нашем случае диалог «сверху вниз»

представлен ответом Алтайского крайкома КПСС «Об усилении массово-политической работы среди советских граждан немецкой национальности в Алтайском крае и Кировском районе Новосибирской области и др.» от 31 октября 1956 г. и «О мерах по усилению политической работы среди немецкого населения». Диалог отражает видение решения немецкого вопроса «снизу», второй документ — «сверху» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8; Оп. 32. Д. 166]. С одной стороны, характер эмоциональности, открытости и даже напористости письма Едича отражал период потепления или оттепели между государством и общественностью на рубеже 1950–1960-х гг. С другой стороны, традиционным являлось обращение «снизу» к верховному лицу с верой в его силу и справедливое управление с уверенностью, что «высшие лица» не ведают, что творят местные власти. Эту традицию историки условно называют «верой в батюшку царя». Эти ментальные установки исторически сформировались в условиях освоенческих процессов огромных территорий, когда верховные власти далеко, а все проблемы списывались на региональные власти.

Реконструируя портрет автора письма Г. Г. Едича, мы находим черты, которые были присущи и лидеру общественного движения немцев И. Кроневальду. Это «немецкость» как этничность и советскость как гражданственность. Как гражданин советской страны, он аргументирует тем, что при «усилении политико-воспитательной работы среди населения» «в агитационной работе необходимо учесть национальную принадлежность». И далее описывает положение дел на местах: «Лекции для немецкого населения проводятся редко, и то чаще по инициативе отдельных лиц, нежели по инициативе областных и районных парторганизаций. Так, например, в Славгородском и Знаменском районах, где мне пришлось побывать в течение двух с половиной месяцев, не было прочитано ни одной лекции для немецкого населения. Точно так же обстоит дело в Томской, Новосибирской и ряде других областей Западной Сибири» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 17]. Его «коммунистическая подкованность» проявляется в анализе «отношения к воспитательной работе среди немецкого населения в г. Новосибирске», которое он иллюстрирует обличительным примером: «Здесь многие граждане стали получать провокационные послышки из Западногерманского Красного Креста. Преподаватель пединститута, писатель В. Клайн, хотел выступить по Новосибирскому телевидению и рассказать своим согражданам на немецком языке о провокационном характере этих послышек, однако ему не разрешили выступить на немецком языке, вместо этого была организована передача на русском языке. Ясно, что эта передача не достигла своей цели» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 17–18].

Как показал контент-анализ, в письме Едича самой повторяемой фразой является обвинение в «буржуазном национализме». Его проявление он видит в том, что власти «заявляют, что организация художественной самодеятельности на немецком языке приводит к изоляции немецкого населения, что всякая работа в этом направлении противоречит политике партии в национальном вопросе...». На самом деле ему «кажется, что именно такая постановка вопроса есть извращение политики партии в национальном вопросе, есть проявление буржуазного национализма, способное лишь оттолкнуть немецкое население от партии» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 17]. «Буржуазный национализм» он видит в том, что «их лишили права на землю» и республику:

«Говорят, что немцы не имеют права требовать автономии, потому что им в СССР исторически не принадлежит никакая территория. Как известно, немцы живут в степях Приволжья уже 200 лет. Кому же, если не им принадлежит эта территория? Такие рассуждения понятны в устах капитализма, если же коммунист начинает подобным образом рассуждать о территории, то это значит, что он скатился на позиции буржуазного национализма» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 19–20].

Как немец, Г. Едич связывает развитие этнической культуры с вопросом о языке, который является базой для сохранения культуры. Перефразируя Маяковского, он «шантажирует» власть: «„Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин”. Мы прикладываем с полным правом к немецкому языку: ведь им разговаривали Маркс и Энгельс». При решении этого вопроса автор обращает внимание на такую особенность депортированных немцев, как их сельскость — расселение депортированных в сибирских селах, имеющих, по сравнению с АССР немцев Поволжья, менее развитую материальную и социально-бытовую базу, что обуславливает и недостатки воспитательно-идеологического просвещения: «центральное радиовещание организовало передачи для немецкого населения, но эти передачи до него не доходят, так как ни одна из них не передается по основной программе. Их можно слушать только, если в доме имеется радиоприемник. А ведь большинство немецкого населения проживает в сельской местности и не имеет приемников».

Отчет-письмо региональных властей показывает, что ими осознавалось ключевое значение языка: самодеятельность на немецком языке, радиопередачи на немецком языке, преподавание на языке с вовлечением носителей языка. Связь языка с сохранением этнической культуры, или «немецкости», отразилось в диалоге общества и власти. Г. Едич указывает: «ЦК КПСС принял ряд мер, чтобы дать возможность детям немецкого населения изучать в школе свой родной язык. С этой целью в ряде школ введено преподавание по расширенной программе.» И описывает ситуацию на местах: «Но присмотритесь, пожалуйста, на что похоже это преподавание. Нет учителей, во многих местах нет учебников. В большинстве школ работают учителя, не владеющие немецким языком. В Томске, например, организованы эти занятия так, что в одной группе обучаются дети 2, 3, 4-го и даже 5-го класса. Во многих школах детям в ожидании занятий приходится сидеть целый час без дела... Чтобы сказали Вы, Никита Сергеевич, если бы так варварски обращались с Вашим ребенком?» То же самое касалось и привлечение носителей языка для работы в немецкой прессе: «в Москве создана газета «Нейес лебен», призванная отражать жизнь немецкого населения в СССР... я хотел бы поставить перед Вами вопрос: почему в редакции этой газеты нет немцев? Ведь люди, сидящие в редакции, не знают жизни немецкого народа, не интересуются его жизнью, и эта газета имеет право претендовать на представление немецкого народа. Нехорошо. Подобные манипуляции никого не убеждают» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. Л. 17–18].

В ответах Алтайского крайкома КПСС отражается особенность коммуникации с обществом — через многоступенчатую вертикаль и зависимость региональных властей от центра. Анализ документа показывает жёсткую схему государственного планирования с организацией финансовых потоков снизу вверх и сверху вниз. Региональная

власть, соглашаясь или оправдываясь, апеллирует к союзной вертикали и просит помощь в решении этих вопросов: «В крае издается газета «Труд» на немецком языке; выходит она два раза в неделю тиражом 6700 экземпляров». Признавая, что «в силу низкой квалификации журналистских кадров газета не вполне удовлетворяет читателей, в то же время к газете проявляют большой интерес немцы из других краев и областей страны», крайком «считает целесообразным вместо краевой газеты организовать издание союзной или республиканской газеты на немецком языке... Если же ЦК КПСС не сочтет необходимым организацию союзной или республиканской газеты на немецком языке, то надо укрепить состав работников алтайской краевой газеты «Труд» на немецком языке направлением 3–4 квалифицированных журналистских работников» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 72].

В такой же схеме коммуникации общества и власти предлагается решить проблемы радиовещания: «В связи с ограниченностью времени, предоставляемого краю для радиовещания через Новосибирскую станцию РВ-76, а также в силу отсутствия необходимых кадров мы не имеем возможности организовать широкое радиовещание на немецком языке. Имея в виду, что немецкое население есть также в Новосибирской, Томской, Кемеровской областях, было бы, по нашему мнению, правильным организовать радиоредакцию на немецком языке при Новосибирском отделе радиоинформации, а остальным областям и Алтайскому краю предоставлять определенное время для передач на немецком языке» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8. Л. 73].

Таким образом, региональные власти в решении «немецкого вопроса» делегируют к всесоюзным органам: для помощи региональной системе образования «просьба поручить Министерству просвещения рассмотреть эти предложения». Для «демонстрации кинофильмов на немецком языке — решение этого вопроса возможно только в том случае, если Министерство культуры будет высылать в край фильмокопии недублированных фильмов производства киностудий ГДР и Австрии». Для обеспечения книг на немецком языке «Министерство культуры СССР должно выделить краю необходимые фонды литературы через бибколлектор и книготоргующие организации».

Заключение

Полевые материалы и документы личного происхождения показывают, что затяжной характер реабилитации советских немцев имел значительные последствия. Во-первых, с одной стороны, он закрепил травму в памяти немцев, которая способствовала подъему национального самосознания немцев. Во-вторых, сформировавшееся общественное движение через разные формы — «письма во власть», «делегации в Кремль», апеллирование к носителям верховной власти, диалог с региональными структурами, способствовало консолидации немцев вокруг лозунга — «полная реабилитация немцев», которая подразумевала «воссоздание Республики немцев Поволжья». В-третьих, поликультурное, в том числе поликонфессиональное многообразие немцев, являвшееся следствием их трехсотлетнего участия в освоенческих процессах обширных территорий России, под влиянием депортации и длительной реабилитации нивелировалось. Этому способствовало дисперсное размещение в местах депортации со смешением разных этнотерриториальных групп в одном сельском обществе. Закрепили эти тенденции особенности процессов реабилитации. Немецкое население консолидиро-

валось, сформировало общественное движение. Лидерами являлись поволжские немцы, которые составляли около трети всех советских немцев, но имели опыт администрирования в рамках немецких колоний и АССР немцев Поволжья.

Особенностью этнической идентичности немцев являлось ее базирование на советскости как гражданской идентичности. Антропология крупным планом показывает, что «немецкость» или «инакость» зиждилась на менталитете советского человека, то что советские антропологи и историки (Ю. В. Бромлей, Л. В. Малиновский) называли формированием социалистической нации советских немцев. Это подтверждает самоопределение и самоидентичность немцев. Соединение гражданской и этнической идентичности в единое требование проявилось в письме, отправленном немцами Микояну 7 июля 1965 г. после встречи в Кремле: «Мы ставим вопрос не о правах отдельных граждан, а о равноправии национальном, без которого не может быть подлинного гражданского равноправия» [Обращение к председателю]. Именно поэтому поволжские немцы связывали решение немецкого вопроса с восстановлением республики немцев как этнической территории, которая служила гарантией сохранения языка, этнической культуры и немецкой идентичности.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–01443, <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Acknowledgements and funding

The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. 23–28–01443), <https://rscf.ru/en/project/23-28-01443/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив Центра устной истории и этнографии. Историко-этнографические экспедиции (Архив ЦУиЭ. ИЭЭ). Музыка (Репецкая) Татьяна Николаевна, 1938 г. р. Топчихинский район, село Победим, Запись 2018 г.

Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шиллер Петр Карлович, 1947 г. р. Топчихинский район, село Дружба, Запись 2018 г.

Архив ЦУиЭ. ИЭЭ. Шнарк Зинаида Гуковна, 1930 г. р. Алейский район, село Большепанюшево. Запись 2021 г.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 412 с.

Бруль В. И. Немцы в Западной Сибири. Топчиха : Топчихинская тип. Ком. администрации Алтайского края по печати и информации, 1995. Ч. I. 191 с.

Бугай Н. Ф. Депортации народов Крыма. М. : ИнСАН, 2002. 240 с.

Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М. : Наука, 2006. 266 с.

Волохов С. П. Гражданская инициатива и протест немцев Сибири по восстановлению национальной автономии и осуществления права на миграцию // История и этнография немцев в Сибири. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 503–513.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=1 (дата обращения: 08.04.2024).

Герман А. А. Несостоявшееся возвращение: немцы в Поволжье. 1955–2010 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 13–21.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Государственный архив Алтайского края. (ГААК). Ф. Р-1848. Оп. 1. Д. 333.

Депортированные калмыки на Новосибирской земле: расселение и обустройство. Декабрь 1943–1946 г. : сборник документов. Новосибирск, 2018. 197 с.

Едиг Гуго Гугович // Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://lists.memo.ru/d12/f79.htm> (дата обращения: 08.04.2024).

История российских немцев в документах. Т. II: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.). М. : Российский экономический журнал, 1994. Т. II. 510 с.

Киссер Т. С. Иван Кроневальд и национальное движение советских немцев // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 4 (35) С. 95–102.

Красильников С. А., Сарнова В. В. Депортация // Историческая энциклопедия Сибири. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (дата обращения: 08.04.2024).

Матис В. И. Из истории немцев Алтая: вступительная статья // Немцы Алтая: (справочно-библиографический сборник). Барнаул, 2008. С. 6–29.

Немцы в Сибири: по документам НКВД, МГБ, МВД СССР 1943–1956 гг. Спецпоселенцы. Военнопленные. Эшелонные списки. Картотека. Военнопленные японцы : сб. док. Барнаул : Алт. дом печати, 2007. 623 с.

Обращение к председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну делегации советских немцев, принятой им 7 июля 1965 г. // История немцев России. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/22/35/188> (дата обращения: 08.04.2024).

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. XXVI. Томская губерния. 245 с.

Полян П. М. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М. : ОГИ, 2001. 328 с.

Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 166. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 8.

Ремпель П. Б. Депортация немцев из Европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения. М. : Готика, 1996. С. 69–96.

Смирнова Т. Б. Киссер Т. С. Многообразие немцев России // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 44–53.

Список Второй делегации советских немцев (1965, 3 июня — 23 июля) // DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN. URL: https://wolgadeutsche.net/wormsbecher/Delegation_2_liste.htm (дата обращения: 28.12.2023).

Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 542 с.

Шадр А.А. Политико-правовой статус российских немцев в постсталинском СССР (1950–1980-е гг.): принципы государственного регулирования // *Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.) : материалы IX Международной научной конференции. Москва, 4–7 ноября 2002 г. М. : Международный союз немецкой культуры, 2003. С. 13–26.*

Щеглова Т.К. Народы Алтая в прошлом и настоящем: численность, размещение, этнокультурный состав, этноконтактные зоны // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 23. С. 97–107.*

REFERENCES

Arkhiv Tsentra ustnoi istorii i etnografii. Istoriko-etnograficheskie ekspeditsii. (Arkhiv TsUiE. IEE) [Archive of the Center of Oral History and Ethnography. Historical and ethnographic expeditions. (Archives of CUiE. IEE)]. Muzyka (Repetskaia) Tat'iana Nikolaevna, 1938 g. r. Topchikhinsky district, village Pobedim, Record 2018 (in Russian).

Arkhiv TsUiE. IEE [Archives of CUiE. IEE]. Shiller Petr Karlovich, 1947 g. r. Topchikhinsky district, Druzhba village, Record 2018 (in Russian).

Arkhiv TsUiE. IEE [Archives of CUiE. IEE]. Shnark Zinaida Gukovna, 1930 g. r. Aleysky district, Bolshepanyushevo village. Recording 2021 (in Russian).

Bromlei Iu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity]. Moscow: Nauka, 1983, 412 p. (in Russian).

Brul' V. I. *Nemtsy v Zapadnoi Sibiri* [Germans in Western Siberia]. Topchikha: Topchikhinskaia tip. Kom. administratsii Altaiskogo kraia po pech. i inform, 1995, vol. 1, 191 p. (in Russian).

Bugai N. F. *Deportatsii narodov Kryma* [Deportations of the peoples of Crimea]. Moscow: "InSAN", 2002, 240 p. (in Russian).

Bugai N. F. *Narody Ukrainy v "Osoboï papke Stalina"* [Peoples of Ukraine in Stalin's Special Folder]. Moscow: Nauka, 2006, 266 p. (in Russian).

Deportirovannye kalmyki na Novosibirskoi zemle: rasselenie i obustroistvo. Dekabr' 1943–1946 g.: sbornik dokumentov [Deported Kalmyks on the Novosibirsk land: resettlement and settlement. December 1943–1946: collection of documents]. Novosibirsk, 2018, 197 p. (in Russian).

Edig Gugo Gugovich. *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* [Victims of political terror in the USSR]. URL: <https://lists.memo.ru/d12/f79.htm> (accessed April 8, 2024) (in Russian).

German A. A. *Nesostoiavsheesia vozvrashchenie: nemtsy v Povolzh'e. 1955–2010 gody* [Failed return: Germans in the Volga region. 1955–2010]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia* [News of Saratov University. New series. Series: History. International Relations]. 2022, vol. 22, no. 1. P. 13–21 (in Russian).

Golovnev A. V. *Krupnyi plan v antropologii* [Close-up in anthropology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2010, no. 4 (29). P. 14–20 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK). [Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK)]. Fund P-1848. Inventory 1. File 333 (in Russian).

Istoriiia rossiiskikh nemtsev v dokumentakh. Tom II: Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie za vosstanovlenie natsional'noi gosudarstvennosti (1965–1992 gg.) [History of Russian Germans

in documents. Volume II: The Socio-Political Movement for the Restoration of National Statehood (1965–1992)]. Moscow: Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal, 1994, vol. 2, 510 p. (in Russian).

Kisser T.S. Ivan Kroneval'd i natsional'noe dvizhenie sovetskikh nemtsev [Ivan Kronewald and the National Movement of Soviet Germans]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University]. 2016, is. 4 (35). P. 95–102 (in Russian).

Krasil'nikov S. A., Sarnova V.V. Deportatsiia [Deportation]. *Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. URL: <http://sibhistory.edu54.ru/%D0%94%D0%95%D0%9F%D0%9E%D0%A0%D0%A2%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%AF> (accessed April 8, 2024) (in Russian).

Matis V.I. Iz istorii nemtsev Altaia: vstupitel'naia stat'ia [From the history of the Germans of Altai: an introductory article]. *Nemtsy Altaia: (spravochno-bibliograficheskii sbornik)* [Germans of Altai: (reference and bibliographic collection)]. Barnaul, 2008. P. 6–29 (in Russian).

Nemtsy v Sibiri: po dokumentam NKVD, MGB, MVD SSSR 1943–1956 gg. Spetsposelentsy. Voennoplennyye. Eshelonnye spiski. Kartoteka. Voенно-plennyye iapontsy sb. dok. [Germans in Siberia: according to the documents of the NKVD, MGB, Ministry of Internal Affairs of the USSR 1943–1956. Special settlers. POWs. Echelon lists. File cabinet. Japanese POWs Sat. doc.]. Barnaul: Alt. dom pechati, 2007, 623 p. (in Russian).

Obrashchenie k predsedateliu Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR A. I. Mikoianu delegatsii sovetskikh nemtsev, priniatoi im 7 iul'ia 1965 g. [Address to the Chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR A. I. Mikoyan delegation of Soviet Germans, received by them on July 7, 1965.]. *Istoriia nemtsev Rossii* [History of the Germans of Russia]. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/22/35/188> (accessed April 8, 2024) (in Russian).

Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897] / Ed. St. N. A. Troinitskii. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904, vol. XXVI, Tomsk province. 245 p. (in Russian).

Polian P. M. *Ne po svoei vole: istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Involuntary: History and Geography of Forced Migration in the USSR]. Moscow OGI, 2001, 328 p. (in Russian).

Rempel' P.B. Deportatsiia nemtsev iz Evropeiskoi chasti SSSR i trudarmiia po “sovershenno sekretnym” dokumentam NKVD SSSR 1941–1944 gg. [Deportation of Germans from the European part of the USSR and the labor army on “totally secret” documents of the NKVD of the USSR 1941–1944]. *Rossiiskie nemtsy. Problemy istorii, iazyka i sovremennogo polozheniia* [Russian Germans. Problems of history, language and modern situation]. Moscow: Gotika, 1996. P. 69–96 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI) Russian State Archive of Modern History (RGANI)]. Fund 5. Inventory 34. File 8. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI). [Russian State Archive of Modern History (RGANI)]. Fund 5. Inventory 32. File 166 (in Russian).

Shadt A.A. Politiko-pravovoi status rossiiskikh nemtsev v poststalinskom SSSR (1950–1980-e gg.): printsipy gosudarstvennogo regulirovaniia [Political and legal status of Russian

Germans in the post-Stalinist USSR (1950–1980s): principles of state regulation]. *Nemetskoe naselenie v poststalinskom SSSR, v stranakh SNG i Baltii (1956–2000 gg.): Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 4–7 noiabria 2002 g.* [German population in the post-Stalin USSR, in the CIS and Baltic countries (1956–2000): Materials of the IX international scientific conference. Moscow, November 4–7, 2002]. Moscow: AOO “Mezhdunarodnyi soiuz nemetskoi kul'tury”, 2003. P. 13–26 (in Russian).

Shcheglova T. K. Narody Altaia v proshlom i nastoiashchem: chislennost», razmeshchenie, etnokul'turnyi sostav, etnokontaktnye zony [Peoples of Altai in the past and present: population, placement, ethnocultural composition, ethnocontact zones]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Altai State Pedagogical University]. 2015, no. 23. P. 97–107 (in Russian).

Smirnova T. B. Kisser T. S. Mnogoobrazie nemtsev Rossii [Diversity of the Germans of Russia]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2017, no 2 (55). P. 44–53 (in Russian).

Spisok Vtoroi delegatsii sovetskikh nemtsev (1965, 3 iyunia — 23 iulia) [List of the Second Delegation of Soviet Germans (1965, June 3 — July 23)]. *DIE GESCHICHTE DER WOLGADEUTSCHEN*. URL: https://wolgadeutsche.net/wormsbecher/Delegation_2_liste.htm (accessed December 28, 2023) (in Russian).

Tishkov V. A. Rekviev po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii [Requiem on ethnos. Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2003, 542 p. (in Russian).

Volokhov S. P. Grazhdanskaia initsiativa i protest nemtsev Sibiri po vosstanovleniiu natsional'noi avtonomii i osushchestvleniia prava na migratsiiu [Civil initiative and protest of Siberian Germans on the restoration of national autonomy and implementation of the right to migration]. *Istoriia i etnografiia nemtsev v Sibiri* [History and ethnography of Germans in Siberia]. Omsk: OGIK Museum Publishing House, 2009. P. 503–513 (in Russian).

Vsesoiuznaia perepis» naseleniia 1939 g. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Union Population Census 1939 National composition of the population by regions of Russia]. Demoskop Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=1 (accessed April 8, 2024) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 21.07.2024

Принята к публикации: 23.11.2024

Дата публикации: 24.12.2024